

видимому, отдельно придется рассмотреть вопрос об исходном материале для агванских графем, обозначающих гласные фонемы, которые не могли иметь своих арамейских предшественников (вполне закономерным поэтому представляется поиск соответствующих прототипов в греческом унциальном письме [10, с. 132]).

В целом оба аутентичных списка агванского алфавита, обнаруженных в эпиграфическом материале, свидетельствуют об адекватности передачи порядка букв в армянских рукописных источниках. Первые 10 графем последних повторяются теми же 10-ю на подсвечнике № 2 и 9-ю в списке на каменной табличке из В. Лабко (10-я здесь отсутствует, поскольку далее налицо следы сбоя таблички). Напротив, последовательность последних 34-х букв рукописных источников по существу совпадает с их порядком на табличке. Таким образом, в настоящее время пока отсутствует возможность документального подтверждения адекватности порядка следования лишь 9-ти букв в интервале от 11-й до 19-й армянской рукописи. Неясным остается также местонахождение обоих агванских диграфов, занимавших, как известно, определенную позицию в грузинском и армянском алфавитах. Ясно, что уже в этих условиях можно сделать немало достаточно надежных наблюдений над порядком расположения букв в агванском алфавите.

Важнейшие из соответствующих конкретных выводов в этом плане налицо уже в публикациях А. Г. Шанидзе, опиравшегося главным образом на названия букв, как они представлены в обоих рукописных списках. Исходя из начальных звуков в названиях букв, приводимых в этих списках, и исключив те из названий, которые соотносятся со специфическими (с точки зрения их греческих соответствий) агванскими фонемами, А. Г. Шанидзе получил последовательность А (В) G (D) E Z T I K L M N U P S r J P K. Отсюда становится очевидным, во-первых, что подобно армянскому алфавиту агванский начинается с А и завершается К. Во-вторых, делается ясным, что принцип размещения букв здесь таков, что буквы для специфически агванских фонем размещены среди букв, имеющих свои соответствия в греческом. Последнее обстоятельство еще более сближает агванский алфавит с армянским [12, с. 42].

Несколько соображений о названии алфавита в агванском. В. Л. Гукасян обратил внимание в одной из своих работ на случай использования в этом значении в армяноязычной «Истории агван» термина *alfafit*, по-видимому, незнакомаго армянской традиции и восходящего, по его мнению, к агванской [22]. Если учесть словообразовательную структуру его соответствий в грузинском и армянском языках (ср. груз. *an-ban-i* при армян. *ajb-u-ben*), то в агванском следовало бы ожидать форму *altbet*. Можно думать, таким образом, что использование в «Истории агван» грецизированной формы слова (к тому же с *f*, вошедшим в армянский алфавит лишь после XII века) является позднейшим отражением былого агванского термина.

Наиболее общий итог, напрашивающийся из совокупности рассматриваемого здесь материала, заключается в том, что все имеющиеся в распоряжении исследования данные поддерживают друг друга, вследствие чего высказывавшиеся ранее сомнения в адекватности рукописных списков [23; 2, с. 83], должны быть окончательно оставлены. В целом вполне справедливым остается мнение А. Г. Шанидзе, сформулированное еще на начальном этапе изучения проблемы и учитывающее, в частности, то обстоятельство, что в целом адекватными, несмотря на наличие отдельных ошибок, оказались и другие алфавиты, представленные в рукописи Матенадерана № 7117. Инициатор агванистических штудий подчеркивал в этой связи следующее: «Подробный анализ данных новооткрытого албанского алфавита с несомненностью показал, что он имеет все признаки подлинного алфавита... Как-то не вяжется ни с духом учебника, ни с данными помещенных в нем хорошо известных алфавитов сомнение относи-